

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2019

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Том .

В поисках счастливой судьбы в Оренбурге и форте Перовский: Михаил Первухин как востоковед, должник и имперский чиновник

Сартори П.

*Институт Иранистики Академии наук Австрии
Австрия, Вена*

Шаблей П. С.

*Челябинский государственный университет (Костанайский филиал)
Российская Федерация, Челябинск*

Аннотация

Эта статья проливает свет на малоизвестную биографию Михаила Первухина. Рожденный в семье офицеров Вятской губернии в 1813 г., Первухин приобрел репутацию одаренного арабиста в Казанском университете в 1830 гг. Однако, преследуемый кредиторами, Первухин вскоре оставил академическую карьеру и в 1840 г. покинул востоковедческую среду Казани. Проработав писарем в лесничестве Елабужского уезда, Первухин искал счастья в Средней Азии: переехал в Оренбург, а оттуда в форт Перовский. Казахская степь представляла для него второй шанс. Назначенный в Оренбургскую пограничную комиссию, Первухин приобрел известность как имперский чиновник, когда ему было поручено наблюдение за казаками Сырдарьи в 1855 г. Однако за его новым назначением вскоре последовали обвинения в авантюризме и коррупции. Первухин покинул форт Перовский и после различных странствий закрепился в Астрахани, где служил учителем татарского языка до своей смерти в 1871 г. Следуя маршрутам биографии Первухина, мы размышляем о вызовах и возможностях, которые открывает проникновение Российской империи в Центральную Азию, и анализируем некоторые аспекты политики империи.

Ключевые слова: востоковедение, Оренбургская пограничная комиссия, контактная зона, Внутренняя Орда, Сырдарья, обычное право, кибиточный сбор

Дата публикации: 15.10.2019

Ссылка для цитирования:

Сартори П. , Шаблей П. С. В поисках счастливой судьбы в Оренбурге и форте Перовский: Михаил Первухин как востоковед, должник и имперский чиновник // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (дата обращения: 13.11.2019). DOI: 10.18254/S207987840006046-9

1

Введение

В 1862 г. в отчете, адресованном ревизионной комиссии, председатель Областного правления оренбургскими казаками (Оренбургская пограничная комиссия (ОПК) до 1859 г. — П. С., П. Ш.) В. В. Григорьев сокрушался, что только Н. Ф. Костромитинов и А. А. Бобровников соответствуют уровню первоклассных ориенталистов.¹ Смысл этих слов не сводился только к личным мотивам — к желанию В. В. Григорьева обвинить свое начальство в различных служебных упущениях.² Сторонник политики русификации председатель ОПК пытался усилить ее кадровый потенциал, тем более, что события 1840-х — 1850-х гг. делали проблему привлечения эффективных человеческих ресурсов одной из ключевых в контексте имперского управления окраинами. В 1845 г. умирает правитель Внутренней казахской орды хан Джангир. Перед русской администрацией возникает серьезная дилемма — какой порядок управления следует ввести на этой территории? Сохранить ханскую власть или передать «бразды правления» в руки местных чиновников? Не менее важный вопрос — это продвижение империи по территории современного Южного Казахстана и столкновения (военные, культурные, экономические) со среднеазиатскими ханствами (Кокандское, Бухарское, Хивинское). Закрепившись в 1853 г. на нижнем и среднем течении Сырдарьи, власти испытали разнообразные бюрократические трудности. Одна из них — это отсутствие согласованных действий между Санкт-Петербургом и региональными администрациями. В условиях того, что внимание правительства к сырдарьинским проблемам в 1850-е гг. было слабо выражено, открывался широкий простор для личной чиновничьей инициативы, активной ротации кадров и, одновременно с этим, происходил рост различных злоупотреблений. Подобного рода противоречия и будут в центре нашего исследования. В статье речь пойдет о М. Б. Первухине, представляющем собой интересный вариант имперской биографии. Эта персональная история рассматривается нами в широкой имперской динамике, которая формировала сложную и порой противоречивую психологию человеческого поведения. Разные местные обстоятельства и профессиональный потенциал открывали в одних случаях широкий простор для активного преобразования окружающей обстановки, а в других, сводились к отказу от прежних мотиваций, высоких идей и удовлетворялись лишь достижением корыстных выгод и личных амбиций. Однако это не означает, что мы стремимся подчеркнуть то обстоятельство, что империя делала одних чиновников «плохими», а других «хорошими». Речь идет о формировании более сложных ситуаций, в которых многофакторность и исключительные властные полномочия открывали таким людям как М. Б. Первухин возможности для активного участия в создании российской Центральной Азии. Не менее важное методологическое пояснение заключается в понимании проблемы центр-периферия. Соблазн оказаться на окраине империи, то есть за пределами прямого административного контроля — это не обязательно прямой путь к коррупции и различным злоупотреблениям³. Скорее речь идет о ситуации, в которой сталкиваются между собой разные типы русских чиновников, имеющих собственное представление о происходящем и вносящих свой вклад в создание местного опыта имперского управления.

Из центра на периферию: академическое сообщество Казани и бегство от него

Михаил Первухин родился в 1811/1813 г. в Вятской губернии. Он происходил из обер-офицерской семьи,⁴ которая не имела родового поместья⁵. Его отец Б. И. Первухин сначала работал почтовым экспедитором в Сарапульской почтовой экспедиции. Затем сменил род деятельности и перешел на службу в Казанскую казенную палату, заняв должность копииста (писарь-переписчик)⁶. В 1831 г. М. Б. Первухин закончил 1-ю Казанскую гимназию и поступил в Казанский университет на отделение словесных наук⁷. Отдав в гимназии предпочтение изучению восточных языков, молодой человек продолжил их совершенствовать и в университете. При этом М. Б. Первухин не был в числе выдающихся студентов, демонстрируя отменные знания (отметки «хорошо» и «очень хорошо») лишь по своим любимым предметам — арабский, татарский и персидский языки. Тогда как другие языки — французский и латинский (с отметками «слабо»)⁸ — оставляли желать лучшего.

3 Почему предпочтение М. Б. Первухина было отдано изучению восточных языков? Возможно, потому, что восточное отделение университета считалось одним из самых престижных и продуктивных в научном отношении⁹. Так, Л. Н. Толстой, отдавая предпочтение арабско-турецкому разряду, свой выбор объяснял желанием «сделать впоследствии дипломатическую карьеру»¹⁰. Кроме арабского, турецкого, персидского, татарского, монгольского, китайского языков студенты восточного разряда могли изучать также санскрит (с 1842 г.) и маньчжурский язык (с 1844 г.)¹¹. Власти стремились покровительствовать востоковедению. Они были крайне заинтересованы использовать востоковедов в дипломатической, переводческой и административной деятельности. С другой стороны, местная профессура, наоборот, ориентировала студентов преимущественно на научное, а не на политическое поприще. В сознание будущих ученых закладывались объективные принципы «погружения в многообразие местных культур»¹². Подготовка востоковеда включала не только изучение языков, основ религии и быта, но и знание их региональных особенностей. Студенты должны были вырабатывать профессиональную тактику «сближения» с местным населением («вести себя сколь возможно скромнее, осмотрительнее и вежливее»), изучать и копировать исторические и культурные реликвии¹³.

4 Как в практическом отношении реализовывались государственные задачи, возлагавшиеся на восточный разряд Казанского университета? Как правило, молодые люди, окончившие курс, не стремились стать переводчиками или чиновниками в провинции. Так, Оренбургское губернское правление, испытывая недостаток в таких кадрах, обратилось 15 декабря 1845 г. к администрации Казанского университета с просьбой объявить выпускникам о наличии вакантных мест переводчика татарского языка в этом учреждении. Однако желающих не оказалось. В конечном итоге декан факультета вынужден был в добровольно-принудительном порядке выдать предписание отправиться в Оренбург студенту армянской словесности В. Чернышеву, заявив, что хотя татарский язык им и не изучался, он освоил его когда был учеником первой Казанской гимназии.¹⁴ Обстоятельства, связанные с тем, что многие выпускники не работали после окончания университета по специальности, заставляли государство усиливать контроль над их трудоустройством. Прежде всего, это касалось студентов, находившихся на казенном содержании. Так, только в 1837 г. на 14 казенных студентов восточного разряда было израсходовано 7 тысяч рублей. Увеличилась и зарплата преподавателя, составив в этом же году 1 600 рублей. Желая избежать нецелевых расходов, государство обязывало молодых востоковедов-выпускников прослужить шесть лет

по распределению правительства. С этой точки зрения профессор Казанского университета К. Ф. Фойгт с удовлетворением писал, что молодые люди, окончившие курс восточной словесности в гимназии и университете, уже занимают разные должности в Санкт-Петербурге, Казани, Тобольске, Омске, Оренбурге, Астрахани, Одессе, Тифлисе, Иркутске, а также служат в посольствах и миссиях на Востоке¹⁵.

5 Так как М. Б. Первухин был студентом с казенным содержанием, ему после окончания университета следовало перейти на государственную службу. В 1834 г. он занял место комнатного надзирателя¹⁶ в 1-й Казанской гимназии¹⁷. С 1835 по 1836 гг. ему было поручено преподавание татарского языка, которое по собственным словам востоковеда осуществлялось на безвозмездной основе.¹⁸ Не имея других источников к существованию и желая избежать нареканий начальства, М. Б. Первухин не осмеливался оспаривать свое тягостное положение. После появления в 1836 г. нового Устава гимназии внимание к преподаванию восточных языков усилилось. Это позволило М. Б. Первухину изменить свой статус и добиться назначения на должность старшего учителя арабского языка с жалованьем 1375 рублей в год.¹⁹ Чтобы оценить значение такого положения, следует указать, что в качестве других учителей восточных языков в гимназию были приглашены: профессор Казанского университета А. Казембек, профессор русской словесности К. К. Фойгт²⁰ (с 1838 г.), известный монголовед А. В. Попов.²¹ Отношения с некоторыми из них у М. Б. Первухина были крайне доброжелательными. Так, в связи с отъездом по служебным делам в Санкт-Петербург (с 1 февраля по 26 июня 1837 г.) А. Казембек просил доверить свою позицию М. Б. Первухину, так как последний «имеет отличные сведения в татарском языке». Руководство гимназии поддержало это прошение, передав ему 2 класса, осваивавших в это время курс татарской грамматики²². Круг деятельности М. Б. Первухина не ограничивался преподаванием. Были у него и внеурочные научные и образовательные интересы. В 1838 г. М. Б. Первухин подготовил к печати учебное пособие по грамматике и синтаксису арабского языка. Это пособие было направлено попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным на рецензию к А. Казембеку. Рецензент дал в целом положительный отзыв, посчитав, однако, нужным произвести некоторые изменения в тексте с учетом упрощения его научного содержания, которое без необходимых исправлений может быть «утомительным» для воспитанников Казанской гимназии.²³ Нет сведений, что М. Б. Первухин успел довести эту работу до конца. Другой проект, который ему все же удалось реализовать, это издание в 1840 г. турецко-татарско-русского словаря²⁴.

6 Казалось бы, жизнь молодого человека из малообеспеченной семьи вознаградила его за годы учебы и рвения на преподавательском и научном поприще. К 27/29 годам он был хорошо интегрирован в местную академическую среду, пользовался уважением среди студентов, коллег и начальства. Доказательством этого служит объявление Министерством народного просвещения благодарности М. Б. Первухину за усердную службу²⁵. Однако случившиеся в дальнейшем заставило его отказаться от прежнего размеренного и привычного образа жизни. В 1840 г. М. Б. Первухин уходит из гимназии. Можно предполагать, что это увольнение не было случайным. Самой веской причиной, очевидно, были финансовые трудности. В 1839—1840 гг. М. Б. Первухин не смог выполнить собственных долговых обязательств на общую сумму 1 500 рублей, проигнорировав претензии своих кредиторов. В итоге эти люди обратились к руководству гимназии, которое приняло решение произвести вычет необходимых сумм из зарплаты должника в рассрочку²⁶. Такое новое обременительное положение сильно тяготило М. Б. Первухина²⁷, поэтому он принял решение оставить Казань. «Шатания» по разным уголкам империи и череда разных назначений позволяют говорить, что уход от академической карьеры не был глубоко продуманным поступком. Отъезд из Казани скорее превращался в своеобразное бегство от ответственности и желание отдать себя в руки

судьбы. С другой стороны, быстрая перемена обстановки для человека не обремененного семьей²⁸ и молодых лет превращали эту жизненную историю скорее в занимательную авантюру, чем в острую психологическую драму или личную трагедию.

7

Путешествуя по присутственным местам империи: жертва бюрократического произвола или тайный бунтарь?

Покинув Казань, М. Б. Первухин решает порвать с педагогической деятельностью и устраивается в июне 1841 г. письмоводителем при елабужском окружном лесничем (Вятская губерния)²⁹. Однако уже в декабре этого же года увольняется. В 1842 г. М. Б. Первухин перебирается в Оренбург и становится столоначальником Оренбургской палаты государственных имуществ. Через два года, в 1844 г., переходит на службу в ОПК в качестве старшего переводчика³⁰. В 1845 г. М. Б. Первухин направляется во Внутреннюю казахскую орду. На него возлагалась задача разобраться с особенностями сложившейся после смерти хана Джангира общественно-политической ситуации³¹. Воспользовавшись поддержкой С. И. Матвеева (они учились на одном факультете Казанского университета),³² правителя русской канцелярии хана Внутренней орды, М. Б. Первухин легко приобрел расположение оренбургского начальства и после перемещения своего протеже на более высокий пост³³ занял его место³⁴. Однако этот карьерный успех не получил продолжительного развития на фоне того, что взгляды нового правителя русской канцелярии на характер управления во Внутренней орде разошлись с мнением оренбургского военного губернатора В.А. Обручева. М. Б. Первухин был против возвышения брата Джангир-хана султана Адиля, предлагая усилить управление не за счет местной элиты, а благодаря расширению представительства русских чиновников. Эта идея не понравилась В. А. Обручеву, который после прибытия в Астрахань (где располагался правитель русской канцелярии) и собственной оценки ситуации, посчитал, что мнения Первухина «оказались слишком преувеличенными, неосновательными и пристрастными». Военный губернатор решил не торопиться с кардинальными реформами и сохранить влияние султана Адиля³⁵. Этот конфликт, судя по всему, не был заурядным бюрократическим явлением, когда вышестоящий начальник находил в действиях своего подчиненного разные злоупотребления и определенную политическую близорукость, не согласующуюся с имперской политикой в целом. Очевидно, что здесь столкнулись две сильные личности, имевших собственное видение относительно будущих преобразований во Внутренней Орде, потому и не способных найти общий язык. В пользу этого говорят и слова Н.Г. Залесова, по наблюдениям которого В.А. Обручев «пользовался репутацией человека честного, но вместе с тем деспотичного, мелочного и крайне раздражительного... Он мог придрататься к своему подчиненному по любому даже самому малозначительному поводу».³⁶ Возможно, именно эти личные обстоятельства прервали быстрое возвышение правителя русской канцелярии, несмотря на его умение использовать свои связи и расположение Санкт-Петербурга.³⁷ В.А. Обручев предписал ОПК отозвать М.Б. Первухина из Внутренней орды и «назначить вместо него чиновника испытанной благонадежности»³⁸.

8

Случившийся инцидент, тем не менее, не привел к трагическим последствиям. В 1850 г. М. Б. Первухин принимает решение отправиться вглубь Казахской степи и стать попечителем оренбургских прилинейных киргизов (казахов. — *П. С., П. Ш.*) в укреплении Николаевское³⁹. Было ли подобное назначение следствием дальнейшего ухудшения отношений между М. Б. Первухиным и В. А. Обручевым? Сложно сказать, что это определено так. Есть источники, в которых говорится, что человек определенный на должность попечителя не был в милости у начальства, и подобная служба становилась своего

рода ссылкой.⁴⁰ Тон письма В. В. Григорьева, написанного в 1856 г. попечителю Орской дистанции А. А. Бобровникову, пронизан подобными коннотациями. Однако мы должны помнить, что эти строки предназначены человеку, к которому председатель ОПК имел дружеское расположение:

9 *«Вы единственный попечитель, на честность и ум которого я надеюсь. Настаиваю на этом и потому, между прочим, что не пройдет быть может 4 месяцев, как получите вы другое место, где уже будет конец близкому вашему знакомству с киргизами»⁴¹.*

10 Сложно сказать, насколько подобная переписка проливает свет на особенности имперского управления в Казахской степи. Другого рода источники, например, инструкция 1847 г., разработанная ОПК, позволяют увидеть в личности попечителя нечто большее, чем тот маргинальный образ, который обыгрывался на страницах личной переписки. Согласно этому документу, главной обязанностью попечителей было урегулирование конфликтов между казахами и линейными жителями (например, казаки, русские поселенцы, проживавшие вблизи военно-укрепленных линий). Кроме этого, этим чиновникам предписывалось следить за торговлей, взиманием налогов (кибиточного сбора) и курировать другие сферы социально-экономических отношений.⁴² В действительности же круг обязанностей попечителей был шире, чем это предусматривала инструкция. Можно быть уверенным в том, что попечители осуществляли и политические функции, собирая разведданные о положении в среднеазиатских ханствах⁴³. Они же вмешивались в вопросы конфессионального регулирования, пытались, в некоторых случаях, административными методами ограничить влияние ислама на казахов⁴⁴.

11 Следует заметить, что должность попечителя пришла к М. Б. Первухину по вкусу. Он несколько раз был командирован в Казахскую степь для расследования местных неурядиц и главным образом, разбирая столкновения между прилинейными жителями (казаками, русскими чиновниками, крестьянами) и казахами⁴⁵. Успехи попечителя были замечены в Оренбурге. Тем более что в эти годы изменилась политическая конъюнктура. На смену ненавистному В. А. Обручеву приходит В. А. Перовский.⁴⁶ 10 июня 1853 г. М. Б. Первухин был отмечен новым начальником края за усердие в службе денежной премией в размере 350 рублей серебром. Спустя два месяца этого же года последовала еще одна награда — «знак отличия беспорочной службы за 15 лет».⁴⁷ В 1854 г. М. Б. Первухин перебирается в Оренбург, чтобы занять должность советника ОПК по ее уголовному отделению⁴⁸.

12 Череда служебных перемещений М. Б. Первухина достаточно типичная картина для Оренбурга и других регионов империи, в которых чиновничий корпус находился на стадии активного формирования. Нехватка профессионалов особого профиля (переводчики, попечители) требовала постоянного «латания дыр» и осваивания одним и тем же человеком множества специализаций. Умение ориентироваться в окружающей обстановке, выгодно использовать свой интеллектуальный багаж и связи могли обеспечить достаточно быструю карьеру. С другой стороны, размеренность местного провинциального уклада и сложившихся бюрократических порядков не способствовали чрезмерному проявлению личной инициативы. Возникавшие на почве личных разногласий конфликты усиливали желание чиновников найти новое более удобное присутственное место.

13

Герои и антигерои имперской истории на Сырдарье

Спустя некоторое время расположение начальства и удачное стечение обстоятельств вновь позволяют М. Б. Первухину добиться повышения по службе. С 11 ноября 1854 г. по 5

декабря 1855 г. он становится временно исполняющим обязанности заведующего присырдарьинскими казахами и обосновывается в форте Перовский на сырдарьинской военно-укрепленной линии⁴⁹. Это произошло благодаря тому, что И. Я. Осмоловский, занимавший эту должность, был вызван по делам службы в Оренбург.⁵⁰ Что представляла собой Сырдарья в 1850-е гг., и какой властью обладал заведующий местными казахами? Фактически это была сложная контактная зона, в которой взаимодействовали друг с другом кочевые и оседлые казахи, кокандцы, хивинцы, бухарцы, военные гарнизоны, русские переселенцы. Кроме того, через территорию среднего и нижнего течения Сырдарьи, вдоль которой была протянута военно-укрепленная линия, проходили торговые караваны. Они двигались из разных регионов Центральной Азии, Среднего Востока и внутренних губерний Российской империи. Хотя империя в 1840-е — 1850-е гг. предприняла успешные шаги по военному продвижению вглубь Центральной Азии, ситуация на Сырдарье отличалась гибкостью и большим разнообразием в сфере принятия управленческих решений и динамики этнокультурных контактов. В силу этого на заведующего присырдарьинскими казахами распространялся широкий круг обязанностей: судопроизводство (как по имперским законам, так и по местному (обычному) праву), кибиточный сбор, защита торговых караванов, сбор разведанных о ситуации в среднеазиатских ханствах и многое другое.⁵¹ Как справлялся с подобными рода делами М. Б. Первухин, и способен был ли он адаптироваться к местному культурному своеобразие? Так, русский поэт А. Н. Плещеев,⁵² служивший в форте Перовский, был приятно удивлен, обратив внимание на внешний вид временно исполняющего обязанности заведующего присырдарьинскими казахами: «Сам в халате, в чамбарах⁵³ и малахае скакал со своим киргизским отрядом»⁵⁴. Это культурное преображение не было, очевидно, необычным явлением для самого М. Б. Первухина, которой, переместившись за тысячу с лишним километров от Оренбурга вглубь Казахской степи, попытался в отличие от А. Н. Плещеева раствориться в местном этнокультурном симбиозе.

14 Желание принять восточный колорит и добиться определенного расположения среди казахов, не было удачно реализовано. Он не смог конкурировать с образом И. Я. Осмоловского. В представлении самих казахов и представителей гарнизона форта Перовский эти чиновники были прямыми противоположностями друг к другу. В письме к своему покровителю В. Д. Дандевиллю, находившемуся в Оренбурге, А. Н. Плещеев 21 июня 1855 г. писал:

15 *«... г. Первухин — крайне подозрительная личность. Киргизы его ненавидят. Слухи про него ходят страшные, и если хоть десятая доля их справедлива, то он просто достоин виселицы. Но по слухам ведь заключать трудно. Одно я положительно знаю, что Осмоловского ждут киргизы как Бога; и я сам не раз слышал, как говорили старшины, что худо будет, если он нескоро вернется. Что Первухин взяточник — это здесь говорит каждый; но что он такой человек, который из всего сумеет вывернуться — это тоже очень возможно. Крючок большой руки»⁵⁵.*

16 Сложно сказать — насколько такая оценка достоверна. Возможно, что на фоне бурно разыгравшейся ностальгии по прошлому и апатии к местной обстановке А. Н. Плещеев преувеличил качества М. Б. Первухина, синтезировав в его образе все крайне чувствительные для него недостатки местного общества. Сравнение Осмоловского и Первухина это тоже показательный пример конструирования идеальных образов, которые важны для общественного и политического дискурса. Например, поиск «козлов отпущения» за просчеты колониального управления. С другой стороны, в И. Я. Осмоловском А. Н. Плещеев возможно разглядел тот тип чиновника, который он не смог или не хотел обнаружить в Оренбурге⁵⁶. Вообразив, что это идеал, поэт заретушировал благодаря плотности ориенталистских зарисовок некоторые из его возможных недостатков. Представляя, что он находится на

Востоке (что очень легко проскальзывает через все его письма к В. Д. Дандевиллю), который еще не сплавился (то есть не утратил черты своей оригинальности) в котле имперской бюрократии, А. Н. Плещеев попытался показать, что власть в этих условиях может быть более гуманной и справедливой, не только с точки зрения человека, который ее осуществляет, но и в глазах местного общества, наделяющего источник власти ореолом большого авторитета.⁵⁷ Пример М. Б. Первухина только усиливает положительность образа И. Я. Осмоловского. Конечно, подтверждение слов А. Н. Плещеева мы находим и в других источниках, которые вышли из круга доброжелателей И. Я. Осмоловского.⁵⁸ Однако не всегда имидж руководителя становится преградой или моральным табу для злоупотреблений на местах. Как это часто бывает, к человеку привыкают, он становится удобным, все знают его сильные и слабые стороны, поэтому выгодно эксплуатируют образ своего начальника в своих собственных целях.

17 Что происходит, когда появляется М. Б. Первухин? Это новый человек, который не успев обжиться в местной среде, получает большие властные полномочия. В силу тех или иных личных убеждений и жизненного опыта он начинает диктовать собственные правила игры. Вновь обратимся к А. Н. Плещееву: *«При Осмоловском розыски делались гораздо деятельнее и успешнее, а теперь едва бежит — и след простыл»*⁵⁹.

18 Это не обязательно говорит о том, что М. Б. Первухин из-за коррупции и различных злоупотреблений снизил эффективность местного судопроизводства. Есть сведения, что его расследования и подходы к урегулированию конфликтов были также тщательно организованы⁶⁰, как и при И. Я. Осмоловском. Скорее речь идет о том, что он не смог конкурировать с образом действующего заведующего присырдарьинскими казахами еще и потому, что не обладал такими же связями и ресурсами, как его непосредственный начальник.

19 М. Б. Первухин долго не задержался на новом месте и в 1857 г. оставил форт Перовский, покинув хатем и Оренбург. Официальным поводом для отставки была его болезнь (катар легких). Согласно медицинскому заключению, для поправки здоровья требовалось длительное лечение.⁶¹ Так или это на самом деле или были дополнительные, не зависящие от М. Б. Первухина, обстоятельства? По мнению Б. Т. Жанаева, отставка М. Б. Первухина могла быть связана не с его болезнью, а с расследованием причин движения батыра Жанкожи Нурмухаммедова. Сменивший В. А. Перовского на посту оренбургского и самарского генерал-губернатора, А. А. Катенин искал виновных, в том числе и среди местных чиновников⁶².

20 Как сложилась дальнейшая судьба М. Б. Первухина? Не прошло и года с момента отставки, как он возвращается на службу, но уже в новом качестве — перебирается в Тверскую губернию и занимает должность чиновника в Тверской провиантной дистанции. В период между 1859 и 1863 гг. происходит смена еще нескольких профессий и мест службы. В конце концов, М. Б. Первухин возвращается к тому, с чего начинал. В 1863—1865 гг. работает учителем татарского языка в 1-й мужской Астраханской гимназии.⁶³ Жизненный путь М. Б. Первухина прерывается там же в г. Астрахани в 1871 г.⁶⁴

21 Итак, служба на Сырдарье — это несколько иной Первухин. Оказавшись на самых задворках империи и обладая большими властными прерогативами, временно исполняющий обязанности заведующего присырдарьинскими казахами не смог удержаться от соблазна и пошел на различные злоупотребления. Эти служебные проступки (взятки, превышение своей власти, обложение казахов непомерным кибиточным сбором), конечно, не следует драматизировать. Они могли в разной степени интенсивности проявляться и в других регионах империи. Сама по себе негативность образа М. Б. Первухина, представленная, прежде всего, в письмах А. Н. Плещеева, не может восприниматься без проблем. Такое описание необходимо,

чтобы высмеять угнетавшие психологию поэта местные бюрократические порядки. С другой стороны, идеализировать некоторые, так называемые исключения, — усилив положительность образа И. Я. Осмоловского благодаря поиску наиболее характерного для него антипода. В этом случае коррумпированность М.Б. Первухина не может разрушить цельность его натуры, перечеркнув вклад этого чиновника в дела политического и правового регулирования на Сырдарье.

22

Заключение

История жизни М. Б. Первухина — это интересный пример того, как человек адаптируется к сложной имперской динамике. С одной стороны, востоковедческая подготовка позволяет ему надеяться на карьерный успех в административных ведомствах, осуществляющих контроль над Казахской степью. С другой, быстрая смена служебных позиций раскрывает многогранность его личности, способность к гибкости и манипуляции окружающей действительностью. Жизнь М. Б. Первухина — это не история заурядного имперского чиновника, который безропотно повинуетя распоряжениям начальства, а государственную службу рассматривает, прежде всего, с точки зрения личной выгоды. Как раз, наоборот, мы видим, что в отдаленных регионах империи, в которых чиновничий корпус находился на стадии активного формирования, появлялись неординарные личности, проявлявшие активную инициативу, вступая в этом случае в конфликт с вышестоящими представителями местной администрации. Поэтому карьера М. Б. Первухина представляет собой ключ к пониманию того, какие возможности создавал имперский проект. Особенно для людей, обретавших «второй шанс». Однако такое поведение — бегство от кредиторов и профессиональное перевоплощение — не являются, чем-то новым в имперской истории, а развивают уже известные случаи других колониальных держав. Один из таких примеров — это история Антони ван Димена, обанкротившегося дельца из Голландии, который вынужден был поступить на службу солдатом и уехать в колонии. В последующем он стал генерал-губернатором Батавии (в 1636—1645 гг.)⁶⁵.

23 Ситуация на Сырдарье (и в форте Перовский) — это интересный вариант понимания особенностей имперского управления и местного общества. Хотя М. Б. Первухин становится на путь коррупции и других злоупотреблений, он не оставляет намерений адаптироваться к культурному своеобразию и повлиять на различные правовые, политические и социальные процессы. Таким образом, принимая активное участие в закреплении сырдарьинских рубежей за российской короной. С другой стороны, сравнение М. Б. Первухина с И. Я. Осмоловским — это привычная картина, когда противопоставление разных чиновников обыгрывается через призму успехов и неудач местного имперского порядка, умения вызывать доверие со стороны казахов. Фактически в образе М. Б. Первухина казахи увидели не самого русского чиновника как такового, а только его определенный тип⁶⁶.

Примечания:

1. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887. Приложение. С. 34.

2. Между Оренбургским и самарским генерал-губернатором А. П. Безаком и В. В. Григорьевым сложились конфликтные отношения. Поводом для разлада были взаимные обвинения в злоупотреблениях, которые привели к снижению бюрократической эффективности оренбургского областного правления. См.: Семенова Н. Л. Служба В. В. Григорьева в Оренбургском крае // Россия-Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. Уфа, 2015. С. 41—45.

3. Утверждение о том, что «центры» менее морально опасны, чем периферии (и наоборот) может привести нас к эссенциализации пространства и людей, которые в нем действуют. Эти идеи происходят от известного тропа колониальной литературы, подвергнутой недавно убедительному критическому анализу. См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Авториз. перевод с англ. В. Макарова. М., 2013. С. 331—353.
4. Обер-офицерские дети — это дети офицеров, рожденные до получения их отцами чинов, дающих право на потомственное дворянство.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 4158. Л. 31 об.
6. НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 7. Л. 57.
7. Список студентов Казанского университета. 1804—1839 // Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Инв. номер 7734. Л. 64 об.
8. НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 7. Л. 5.
9. Фактически усиление восточного разряда осуществлялось за счет бюджета других структур университета. Разряд мог позволить оплату дорогостоящих экспедиций и стажировок, приобретение книг и рукописей, содержание музеев. См.: Вишленкова Е. А. Культурное пограничье Казанского университета // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 31—32.
10. См.: Эйхенбаум Б. Из студенческих лет Л. Н. Толстого // Эйхенбаум Б. О прозе. Сб. статей. Ленинград, 1969. С. 92.
11. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 15.
12. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. С. 166.
13. Там же. С. 172.
14. НА РТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 665. Л. 1,5.
15. Фойгт К. Ф. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. 39. С. 67, 69.
16. Комнатный надзиратель должен был наблюдать за учащимися в свободное время, помогать начальству гимназии в контроле над поведением и успеваемостью учеников. Кроме этого, надзиратели в отсутствие учителей по возможности исполняли их обязанности. См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб., 1875—1876. С. 435.
17. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4158. Л. 31об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 2 об.
18. В. Владимиров приводит сведения, что М. Б. Первухин получал в 1836 г. 800 рублей жалованья как младший учитель татарского языка. См.: Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Ч. 3. Казань, 1868. С. 253. Сам же М. Б. Первухин сообщает, что он не был штатным учителем, поэтому фиксированного оклада не получал. См.: НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3235. Л. 1.
19. Там же. Л. 2.
20. Преподавал персидский язык.
21. Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Ч. 1. Казань, 1867. С. 57.
22. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3308. Л. 1/об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 3.
23. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4833. Л. 1-2.
24. Первухин М. Б. Турецко-татарско-русский словарь с присовокуплением употребительных арабских и персидских слов. Казань, 1840.
25. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 3 об.
26. НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3953. Л. 1-3.
27. Вполне возможно, что, рассчитавшись с этими кредиторами, М. Б. Первухин приобрел новых и, желая избежать выполнения очередных долговых обязательств, переместился на жительство подальше от Казани.
28. В формулярном списке М. Б. Первухина указано, что он имеет жену (Терезу Андрееву) и дочь Людмилу, родившуюся 29 декабря 1850 года. См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 3. Дата рождения его дочери позволяет нам предполагать, что в казанский период он еще не был женат.

29. Там же. Л. 3 об.
30. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1808 по 1914 гг. Астрахань, 1914. С. 191; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 4.
31. История Букеевского ханства. 1801—1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 671—672.
32. С. И. Матвеев окончил Казанский университет в 1833 г., а М. Б. Первухин в 1834 г. См.: Список студентов Казанского университета. 1804—1839 // ОРК НБ КФУ. Инв. номер 7734. Л. 61 об., 64 об. Барон Ф. А. Бюлер, известный русский правовед и дипломат, посетивший Внутреннюю орду в 1844 г., дал очень высокую оценку деятельности С. И. Матвеева: «Он понимает дела Орды и судит об них добросовестно, так и оттого, что он соединяет со специальным изучением быта и потребностей киргизов разнообразные и многосторонние познания. Он получил образование в Казанском университете и, как чиновник археографической комиссии, занимался разбором древних рукописей в астраханских архивах». См.: История Букеевского ханства. 1801—1852 гг. С. 423.
33. В 1846 г. С. И. Матвеев стал советником Министерства государственных имуществ во Временном совете по управлению Внутренней ордой. См.: История Букеевского ханства. 1801—1852 гг. С. 1016.
34. Чиновник, занимавший эту должность, пользовался огромной властью, сосредотачивая в своих руках все вопросы управления Внутренней ордой. См.: Там же. С. 722.
35. Там же. С. 673.
36. Залесов Н. Г. Записки Н. Г. Залесова // Русская старина. 1903. Т. 114. Ч. 1. С. 55—56.
37. В 1849 г. М. Б. Первухин доставил в Санкт-Петербург слона, подаренного императорскому двору бухарским эмиром. За это он был награжден денежной премией в размере 171 руб. 43 копеек. См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 4.
38. История Букеевского ханства. 1801—1852 гг. С. 673.
39. О слухах и событиях в Средней Азии (20 апреля 1853 — 31 июля 1862 г.). Сборник документов / сост. Б. Т. Жанаев. Т. 1. Караганда, 2016. С. 660.
40. Как, например, следует из письма В. В. Вельяминова-Зернова к В. В. Григорьеву (1853 г.), в котором деятельность попечителей сводится к некоему абстрактному образу «плохих чиновников», ярким представителем которых является М. Б. Первухин: «Я бы с удовольствием угостил зарядом из гороха или клюквы любого из попечителей прилинейных киргизов. В особенности руки чешутся у меня на Первухина». См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 853. Оп. 2. Д. 183. Л. 7об. Можно предполагать, что такие слова являлись не просто язвительной насмешкой, но также могли быть частью соперничества, связанного с текущей конъюнктурой.
41. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 219.
42. Gulbanu B. Izbassarova. Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations (in Russian) // Bulye Gody. 2017. Vol. 46. Is. 4. P. 1366—1373.
43. См. например, донесения М. Б. Первухина: О слухах и событиях в Средней Азии. С. 42—44, 81—84, 94—96.
44. См.: Рапорт попечителя прилинейных киргизов (казахов) Новолинейной дистанции В. Н. Плотникова Областному правлению Оренбургских киргизов о необходимости запрещения поборов, взимаемых башкирскими муллами с киргизов (27 ноября 1862 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—10.
45. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6507. Л. 1—207.
46. Это второй приход В. А. Перовского (1851—1857 гг.).
47. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 4.
48. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии. С. 192.
49. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 4 об.
50. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7009. Л. 13.
51. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 96. Л. 96 — 107 об. Мы благодарим Д. В. Васильева за предоставление копии этого материала.
52. Замешанный по делу М. В. Петрашевского, А. Н. Плещеев также как и Ф. М. Достоевский был приговорен к смертной казни. Однако поэт был помилован, переведен в солдаты и направлен в Уральск на военную службу. Затем из Уральска отправлен в Оренбург. В 1854 г. стал служить в форте Перовский. См. об этом подробнее: А. Н. Плещеев в форте Перовском (по неизданным письмам) // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 103—108.

53. Кожаные шаровары.
54. А. Н. Плещеев в форте Перовском. С. 121.
55. Там же. С. 131.
56. Более красочно А. Н. Плещеев сделал это в своем романе «Пашинцев», написанном сразу после возвращения в Санкт-Петербург. В нем он высмеял оренбургское общество и обличил его бюрократические порядки. См.: Плещеев А. Н. Пашинцев // Русский вестник. 1859. Т. 24. №. 11-12.
57. Следует обратить внимание на другие примеры описания образа И. Осмоловского, которые говорят, что не каждый русский чиновник наделялся ореолом авторитета, и местные казахи были достаточно разборчивы в выборе объектов для идеализации. Завершив летом 1859 года обследование реки Джаныдарья, инженер А. Грен направился в сторону форта Перовский. Не доезжая несколько верст до укрепления, экипаж застрял в грязи. Обратив внимание на эту картину, кочевавшие в окрестностях форта казахи устремились ему на помощь. Однако, подъехав поближе, они не стали ничего делать и повернули назад. Находившиеся в форте казахи объяснили эту коллизию тем, что казахи спутали А. Грена со своим русским начальником (И. Я. Осмоловским). Выяснив, что это другой русский чиновник, кочевники решили ему не помогать. Сам А. Грен вынужден был констатировать, что этот случай не обязательно говорит о проявлении некой лояльности и субординации между подчиненными и руководителями, а скорее указывает на то, что некоторые представители имперской администрации благодаря своим личным качествам заслужили более гуманное и нравственное отношение к себе. См.: Грен А. Экспедиция для исследования Джаныдарья летом 1859 года // Туркестанский сборник. Т. 386. СПб., 1883. С. 72.
58. Особенно у А. И. Макшеева. См.: Макшеев А. И. Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 246—248.
59. А. Н. Плещеев в форте Перовском. С. 131.
60. О слухах и событиях в Средней Азии. С. 151—152.
61. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13524/6. Л. 1.
62. О слухах и событиях в Средней Азии. С. 660.
63. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии. С. 192.
64. О слухах и событиях в Средней Азии. С. 660.
65. Боксер Ч. Голландское господство в четырех частях света. XVI—XVIII века. Торговые войны в Европе, Индии, Южной Африке и Америке / пер. с англ. О. И. Лапиковой. М., 2018. С. 66.
66. Подобного рода идеи развил в своей работе В. П. Наливкин, считая, что в одних русских чиновниках мусульмане Туркестана нашли хакимов и беков прежних времен, а другие, лишь «прославились» как «стяжатели» и «грабители». См.: Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 69—70.

Библиография:

1. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887.
2. Вишленкова Е. А. Культурное пограничье Казанского университета // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 29—44.
3. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
4. Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Ч. 3. Казань, 1868.
5. Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII — первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13—21.
6. Макшеев А. И. Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896.

7. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1808 по 1914 г. Астрахань, 1914.
8. Семенова Н. Л. Служба В. В. Григорьева в Оренбургском крае // Россия-Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. Уфа, 2015. С. 41—45.
9. Эйхенбаум Б. О прозе. Сб. статей. Ленинград, 1969.
10. Izbassarova Gulbanu B. Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations (in Russian) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4. P. 1366—1373.

Seeking Fortune in Orenburg and Fort Perovsky: Mikhail Pervukhin as Orientalist, Debtor, Imperial Official

P. Sartori

*Institute of Iranian Studies, Austrian Academy of Sciences
Austria, Vienna*

P. Shabley

*Chelyabinsk State University (Kostanay Branch)
Russian Federation, Chelyabinsk*

Abstract

This article sheds light on the little-known biography of Mikhail Pervukhin. Born into a family of company officers of the Vyatka Governorate in 1813, Pervukhin first made himself a reputation as a gifted Arabist at the University of Kazan in the 1830s. Hunted by creditors, however, Pervukhin soon abandoned his academic career and left the Orientalist milieu of Kazan in 1840. After a stint as a clerk working for the forestry administration in the Yelabuga District, Pervukhin sought fortune in Central Asia: he moved to Orenburg and from there to Fort Perovsky. The Kazakh Steppe represented for him a second chance. Assigned to the Orenburg Border Commission, Pervukhin acquired prominence as a colonial official when he was tasked with the supervision of the Syr Darya Kazakhs in 1855. His new appointment, however, was soon followed by accusations of adventurism and corruption. Pervukhin left Fort Perovsky and after various peregrinations he shored up in Astrakhan where he served as a teacher of Tatar until his death in 1871. While following the routes of Pervukhin's biography, we reflect on the challenges posed and the opportunities offered by the penetration of the Russian empire into Central Asia, and consider certain under-explored facets of Imperial policy.

Keywords: Orientalism, Orenburg Border Commission, frontier, Inner Horde, Syr Darya, Customary law, annual tent tax

Publication date: 15.10.2019

Citation link:

Sartori P., Shabley P. Seeking Fortune in Orenburg and Fort Perovsky: Mikhail Pervukhin as Orientalist, Debtor, Imperial Official // ISTORIYA. 2019. V. 10. [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (circulation date: 13.11.2019). DOI: 10.18254/S207987840006046-9